

Алексей Ивагин, Антон Василенко

Я дрался за Украину

Алексей Ивашин
Я дрался за Украину

«Издательские решения»

Ивашин А.

Я дрался за Украину / А. Ивашин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855059-1

Книга представляет собой сборник интервью с ветеранами УПА и подполья ОУН* о партизанской войне и подпольной работе в 1930-50-е годы. Интервью были проведены в Ровенской, Волынской, Львовской и Ивано-Франковской областях Украины в 2013—2014 годах.*Организации запрещены на территории РФ

ISBN 978-5-44-855059-1

© Ивашин А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Володимирский Фотий Николаевич	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Я дрался за Украину

Алексей Ивашин
Антон Василенко

© Алексей Ивашин, 2017

© Антон Василенко, 2017

ISBN 978-5-4485-5059-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Более полувека прошло с тех пор, как закончились последние боевые столкновения советских органов госбезопасности и подполья ОУН на территории западных областей Украины. Несмотря на то, что в украинском националистическом движении так или иначе участвовали сотни тысяч людей, их воспоминания мало известны широкому кругу читателей. Мы собрали информацию об эпизодах партизанской войны, материально-технических аспектах подпольной работы, попытались взглянуть на эти события глазами их непосредственных участников, понять психологию бывших повстанцев и узнать их сегодняшнюю оценку прошлого.

Книга представляет собой сборник интервью с ветеранами УПА и подполья ОУН (данные организации запрещены в РФ) о партизанской войне и подпольной работе в 1930-50-е годы. Интервью были проведены в Ровенской, Волынской, Львовской и Ивано-Франковской областях Украины в 2013—2014 годах. Искренне надеемся, что эти материалы дадут ответы на многие вопросы читателей, интересующихся историей СССР и украинского националистического движения 1930-50-х годов.

Алексей Ивашин, Антон Василенко

Володимирский Фотий Николаевич

Ф.В. – Я родился 1 сентября 1924 года в семье рабочего. Жили мы в городке Вишневец – тогда это была Польша, Волынское воеводство, Кременецкий уезд, а сейчас это Тернопольская область, Збаражский район. Мой отец был маляр, красил церкви, дома. Сначала он работал один, а потом организовал целую бригаду рабочих. Мама вела хозяйство дома. У меня была сестра Люба, она две недели назад умерла в Красноярском крае. Мы с ней были двойняшки, их с мамой вывезли в Сибирь на поселение и потом не дали вернуться на Западную Украину.

Фотий Володимирский, февраль 2013 года

Закончил я семь классов польской школы, хотел поступить в ремесленно-промышленную школу, но меня не хотели принимать, говорили, чтобы отец vykрестился на католика. Отец сказал: «Я не буду». И я год сидел дома, потом пошел в вечернюю школу и собирался снова поступать в ремесленно-промышленную школу на слесарное отделение (там учили на токарей, на слесарей), но в 1939 году, перед самой войной, меня приняли в эту школу на столярное отделение.

Мой отец со своей бригадой выполнял работу для школы – красили окна, двери. Но им за это дали не деньги, а поездку в город Гдыня. И мы с отцом поехали на экскурсию в Гдыню, администрация гмины за нас заплатила. Это было как раз перед самой войной. Когда ехали через Гданьск (он тогда был отдельно, ни немецкий, ни польский, и назывался «Вольный город Данциг», но жили там в основном немцы), то нам сказали: «Не подходите близко к окнам – немцы бросают камни». А местные немцы становились задом к поезду и показывали полякам жопу. Мы приехали, побыли на море, походили, посмотрели на Гдыню. Очень хороший был город – новый, дома морским песком оштукатурены. Еще в Гдыне есть полуостров, где была

польская военно-морская база, в то время Польша имела только один выход к Балтийскому морю. Мне тогда еще не было и пятнадцати лет, я мало что понимал, но уже знал, что будет война. Хотя меня это мало интересовало, я больше думал о том, как хорошо, что мы с папой едем на море.

Приехали мы обратно в Вишневец, а через три дня началась война. Немцы с советами быстро разбили Польшу, и в сентябре 1939 года к нам пришла новая власть.

А.И. – Помните момент, когда пришла советская власть? Какие были впечатления?

Ф.В. – Перед приходом советов люди у нас говорили: «Братья идут!» Строили торжественные арки, встречали с цветами. Помню, у нас в Вишневец арка стояла, люди с хлебом-солью встречали Красную Армию. Я хожу среди людей, мужики поют: «Ще не вмерла Україна...» А еврей стоит в шапке, один мужик подходит – и по морде ему! А советский политрук стоит сбоку, смотрит: «Не надо, не надо». Пришли советы, а наши им «Ще не вмерла Україна» пели! Это комедия была!

Пришли наши «освободители», и из ремесленно-промышленной школы сделали техникум электрификации сельского хозяйства. Нас автоматически зачислили из школы в этот техникум. Хочу сказать, что НКВД сразу взяло техникум под контроль. Немного расскажу Вам об этом. У нас физику преподавал один поляк, и в классе была доска на роликах – двигаешь одну половину доски вниз, а вторая поднимается вверх. И кто-то написал на этой доске: «Смерть Сталину!» Приходит этот преподаватель на физику, двигает доску вниз, чтобы писать – и вверх поднялась эта надпись. Все – урока нет! НКВД стало искать по почерку, всех студентов собирали. Написали мы диктант по русскому языку и спрашиваем, почему нам не дали листки с нашими диктантами, с исправленными ошибками. А преподаватель был старик, русский – видно, антибольшевик. Он сказал нам прямо: «Ваши диктанты в НКВД. Они смотрят, у кого почерк похож». Не знаю, нашли ли они кого-то. А потом, когда пришли немцы и открыли подвалы НКВД, я нашел там папку с нашим диктантом.

Последнюю неделю июня 1941 года мы сдавали экзамены в техникуме, а уже началась война, бомбили. Один экзамен был по украинскому языку, и у меня было такое предложение: «І досі наш веселий край святкує щиро цей звичай – щоб у суботу поминати, кого нам приязно згадати». В этом предложении нужно было поставить знаки препинания, обозначить, где глагол, где прилагательное и так далее. И это предложение я почему-то до сих пор помню.

Как-то в эти дни попал в Вишневец немецкий танк. Откуда он прорвался – неизвестно. Когда увидели этот танк, то все начальство, все секретари, даже директор нашего техникума – все убежали. Но потом вернулись, потому что фронт был еще далеко. Помню, что всем советским начальникам выдали пистолеты, потому что это была прифронтовая полоса.

Перед приходом немцев НКВД должно было арестовать двух наших студентов. Один из них, поляк, беженец из коренной Польши, как-то сказал о новой власти: «Łatwo przysłij – łatwo rójdą» («Легко пришли – легко уйдут»). Его забрали в НКВД и там замучили. Должны были забрать еще одного парня, чеха, но тот остался жив. Он потом рассказывал, что пришли к нему, говорят: «Пошли!» А он ботинок надел и снова скинул – как будто душа чуяла, куда его поведут. Потом снова надел ботинки, сидит, зашнуровывает их. Энкаведисты смотрят – долго шнурует, а они уже убегают! И ушли, повели того поляка, а этого парня не забрали.

Когда пришли немцы, то вместо нашего техникума сделали мастерские и школу трактористов. До обеда мы учились, а после обеда работали в мастерских. В школе была токарная мастерская, была литейная, и немцы свозили к нам молотилки, конные приводы, всю сельскохозяйственную технику. И мы это все ремонтировали. При немцах у нас действовала подпольная организация ОУН, в 1942 году стали создавать самооборону, наши стали обстреливать немцев, не давали им грабить население.

Немцы начали вывозить нашу молодежь на работу в Германию. Однажды в школу пришла разнарядка – кто-то должен был ехать. И в то время как раз к нам пришли ребята из подполья: «Организуется Украинская Повстанческая Армия, кто хочет вступить – скажите, вечером мы вас отвезем». И я уже не пошел домой, после обеда помыл руки в кузнице и пошел в село Кривчики, оттуда связные перевели меня в Шимковецкие леса. Это было в начале мая 1943 года.

А.И. – До того времени Вы не были связаны с ОУН?

Ф.В. – Нет. Я стал членом ОУН, но гораздо позже, в июле 1944 года, на Холмщине – наша сотня пошла туда воевать с поляками. Мы там приняли присягу и стали членами ОУН.

Направили нас связные в лес. Приходим, я смотрю – а тот мастер, который нас учил в школе трактористов, Павел Загребельный – это сотенный командир, и псевдо у него «Чоп». Он меня узнал, засмеялся. Он был 1917 года рождения, родом из села Колодно под Збаражем.

Взяли меня на подготовку, получил я псевдо – «Муха». Я сам себе такое выбрал. Мы не знали имен, фамилий друг друга – разве что кто-то попадался знакомый. Моей фамилии не знали, и я не никого знал и не интересовался. Псевдо – и все. По псевдо обращались: «друг «Муха», «друг «Орлик». На подготовке мы изучали оружие – разбирали карабины, чистили. Было полно советских патронов – остались после боев. Они уже заржавели, надо было и их чистить, а то когда стреляешь, то у них вырывает дно там, где капсюль, а пуля остается на месте.

А потом меня поставили роевым (*командиром отделения – прим. А.И.*). Я был шустрый, городской парень, а там ребята были в основном из сел, не такие развитые. Я грамотный был – закончил семь классов школы, техникум и уже должен был сдавать выпускные экзамены, а учился везде очень хорошо. Дали мне рой, я его подготавливал, больших боев у нас тогда не было. Были перестрелки с мадярами, с поляками, но это не были очень тяжелые бои. Пару раз мадяры ехали на села, мы засели, постреляли, они убежали. Убили мы кого-то или нет – кто его знает. Была одна засада, когда мы поубивали мадяр. Они ехали в село Свинюхи возле Вишневецца, а перед этим нам агентура сообщила, какой дорогой и когда они должны ехать. Мы там засаду сделали, а они ехали на повозках, ноги спустили. Не боялись ничего и сложили головы.

Немецкая армия, немецкая администрация были очень хорошо организованы. Но Вы знаете, нам против них было легко воевать. Был языковой барьер! Бывало так, что приходит к немцам мужик из села и говорит, что в селе есть партизаны – были и такие люди в селах. Но переводчик у немцев наш, оуновец! Немец спрашивает: «Что он говорит?» Тот ему: «А, они там жидов постреляли – просит, чтобы керосина ему дали». А немец мужику по морде, по морде! Мужик идет себе домой, думает: «О, говорили, что немцы хорошие, а они еще и побили!» Потом к мужику приходила местная референтура ОУН или Служба безопасности, давали ему десять шомполов, у него кожа на заднице лопалась, и больше он к немцам не ходил. Если у нас потерь не было, то за такое не убивали.

В июне 1943 года я получил первое ранение. В то время полиция переходила от немцев к нам, и мне сотенный «Чоп» сказал, что должна прибыть полиция из Тернополя – хочет бежать к нам. Там есть такой Черный лес, как ехать на Кременец – большой лес. Приказ был такой: «Ты со своим роем иди в Черный лес, там краю леса подожди. Они должны прийти туда, ты их встретишь и приведешь к нам». Вечером мы пошли, было холодновато, мы в шинелях. Пришли на место, ждем. Недалеко от нас село Колодно. Ждем-ждем, уже светает – в июне ночи короткие. Слышим – в селе колокол на церкви бьет, потом вижу – люди из села бегут. Я вышел и хочу одну женщину остановить: «Что такое, почему вы убегаете?» Рукой машет и бежит. Потом одного парня остановил, он говорит: «Немцы приехали грабить!» Вы знаете, что Волынь была оккупирована, а в Галичине был Дистрикт Галиция – был президент Кубийович, была своя власть, люди сдавали «контингент», и никто их не трогал. А на Волынь немцы ехали только грабить – забирали свиней, коров, зерно. Я думаю: «Что делать? В селе немцы!»

А нас всего тринадцать человек, все с немецкими карабинами или советскими карабинами Токарева, пулемета не было. Посылаю связных к сотенному, он присылает приказ: «Обходите село. Там есть приселок Дильное, мы на холме заляжем, сделаем засаду на немцев, а вы пробивайтесь к нам». И мы пошли. Колодно прошли, заходим в это Дильное, солнце поднялось, так тепло. А вишни зеленые в садах – с краю еле румяные. Я так пить хочу, а воды близко нет – взял те вишни, ем. Впереди меня идет парень из Львова, студент. Слышу – по-немецки заговорили. И сразу – бах, бах! Стреляли из винтовки. Я на колено стал, выстрелил туда, откуда был выстрел, но я их не видел. Немцы в селе грабили, а тут выставили прикрытые – в саду, среди деревьев. Чувствую – мне в правую руку укололо. И второй укол в правую ногу. Думаю: «Что такое?» Но тут смотрю – потекла кровь. Я в ноге до сих пор чувствую это место – когда пуля шла, то в кости ямку выбила. Хлопцы меня взяли, а наши наверху слышали, что стреляют, и сотня открыла огонь, я слышу – заработал наш пулемет. И мы отошли к своим, рой присоединился к сотне. Немцев мы из Дильного выбили – взорвали их машину, убили троих, остальные отошли в Колодно. В нашей сотне ранение получил только я, убитых не было, но тот парень-студент, который шел впереди меня, не разобрался, где свои, а где чужие, и побежал к немцам. Они его поймали живым, привязали колючей проволокой к машине, и так тянули до Тернополя. Что из него стало, я не знаю... Меня раненого забрали, и был один смешной момент. Это теперь мы знаем религиозные конфессии – греко-католики, православные. Наша Волянь православная, и я никогда не думал о том, что есть греко-католики – праздновали праздники одинаково, ходили в гости друг к другу. Внесли меня в какой-то дом, чтобы сделать перевязку, я вижу – образа висят: Матерь Божья, Иисус Христос и у него такое большое сердце нарисовано. У православных такого нет. Я говорю: «Хлопцы, вы что, к полякам меня занесли?» Они говорят: «Нет, это наши люди!»

И так я выздоровел – делали мне перевязки, а раны были легкие, пули прошли навывлет. На выходе пули немного вырвали мяса, но через месяц я уже был в строю, снова попал в бой. В Зарудье стояла полиция, латыши – из Латвии привезли аж сюда. Немцы так делали – наших полицейских отправляли туда, а латышей привозили к нам. Нам надо было забрать у них оружие, под вечер мы напали, обстреляли хаты, одна хата загорелась. Убитые у них были, на другой день нам люди говорили. Латыши начали кричать нам, чтобы не стреляли. Перестрелка прекратилась, мы подошли к ним, и они отдали часть оружия.

И тут меня забирают в Службу безопасности. Структура СБ была такая – районная, надрайонная, областная и краевая. Командиром районной СБ был Юрий Бойчук («Зирка»), 1914 года рождения. Я его знал, потому что он тоже работал в школе трактористов в Вишневецке. «Зирку» арестовали после войны в Днепропетровске, он был законспирирован, имел документы фронтовика. В Тернополе был показательный суд, и его казнили. «Зирка» взял меня к себе, нас был отдельный рой, шестнадцать человек. Хлопцы были старше меня – мне было девятнадцать лет, а им было по двадцать-двадцать пять, они уже были членами ОУН. Из вооружения у нас были винтовки, пистолеты, гранаты, у «Зирки» был автомат. Все были хорошо одеты, вышколены, подтянуты.

О работе в СБ я Вам всего не расскажу. Были у нас акции на немцев, на полицию, на советских партизан, пленных мы допрашивали, и эти допросы были жестокими. Что тут говорить – был враг, и с ним надо было бороться. Все! Некоторые кричат: «Бандеровцы убивали людей!» Да, мы убивали! И своего предателя убивали, и вражеского агента убивали – а что мы должны были делать? На войне с врагом надо воевать – или он тебя уничтожит, или ты его. Наша война была партизанская, подпольная, а подпольная борьба всегда жестока, врага миловать нельзя. Я Вам приведу один пример. Моя жена родом отсюда, с Ивано-Франковщины, из села Викторов. В их селе был повстанческий схрон, и о нем знала одна женщина. И эта женщина, видно, договорилась с москалями – фартук развязала и бросила на кусты там, где схрон. Энкаведисты приехали, был бой, и восемь хлопцев в схроне застрелились. А эту жен-

щину потом оуновцы убили за предательство. Так вот в газетах писали: «Мать убили! Трое детей осталось!» Видите ли, жалко ее! А тех восемь хлопцев не жалко? Я еще раз говорю – врага, предателя надо уничтожать!

Много страшных вещей я пережил, но обо всем я Вам рассказывать не буду. Я с этим умру.

А.И. – Расскажите то, что считаете нужным. Вас специально готовили к службе в СБ?

Ф.В. – Брала уже подготовленных, идейных, физически крепких. Я был как вол здоровый, мог любого такого как Вы, взять на штык и перекинуть через себя. Если кто-то Вам будет говорить, что он служил в СБ и был стрелцом УПА, то уже ему не верьте. Служба безопасности подчинялась Проводу ОУН, это была совсем другая структура! Но мы работали с УПА – например, когда ловили пьяного стрельца, то вели его к сотенному и говорили: «Накажите его – он ходит по селу пьяный!» Знаете, как оно было – местные люди видят стрельцов, угощают, а это же молодые ребята, могут и выпить. Бывало, что мы им палок давали, шомполов.

В каждом селе у СБ был референт. Все данные о том, что происходит в селе, он передавал в районную СБ. Сообщал, кто сексот, кто перебежчик, кого поймали немцы. Как-то один референт нам помог, и мы поймали большевистского парашютиста. Он шел на встречу со своими, при себе имел сломанный надфиль. При допросе признался, что должен был прийти в одно село в такую-то хату к одному человеку, а у того была вторая половина надфиля. Если стыковали эти две половины, и они сходились – значит, он попал правильно, на своего. Показал нам – где та хата, кто там живет. И того второго взяли, допросили, потом казнили обоих. Хотя такие боевики, как я, допросами занимались редко. Пленных допрашивали командиры, весь разговор протоколировали, а потом писали отчет, кого допросили и кого уничтожили – писали шифром на такой маленькой бумажке. У нас на Волыни ее называли «грипс», а на Галичине – «штафета». И этот отчет передавали куда надо – из районной СБ в надрайонную и так далее.

Девушки к нам попадали, советские разведчицы. Они шли с востока, под маркой гражданских людей – то вроде как искали работу, то говорили, что от голода спасаются. Украинским языком владели хорошо – их же обучали, у советских были специальные школы, где учили галицкий диалект, волынский диалект.

Возле Вишневецца есть село Лозы. Летом 1943 года, перед жнивами, немцы привезли туда мануфактуру, керосин, соль – выдавать тем, кто сдаст «контингент». Мы на них напали, нас была одна чета (*взвод – прим. А.И.*), а немцы стояли в замке, замурованные окна были кругом. Замок мы не атаковали, но не давали немцам оттуда выйти. Взяли в селе три фуры и ночью поехали на базу, где немцы хранили все эти товары. Фуры грохотали по мостовой так, что люди нам потом говорили: «Мы думали, что это какая-то армия едет!» Заехали на ту базу, забрали оттуда товары, потом людям в селах раздали. Такие иногда были мелочи, но они давали свой результат.

А.И. – С поляками были бои?

Ф.В. – Я не помню, чтобы у нас на Кременеччине были бои с поляками. В наших краях среди поляков в основном были «осадники» – те, которые воевали вместе с Пилсудским. При Польше им дали землю, разрешили иметь оружие. Огнестрельного оружия у них было мало, но каждый имел коня, имел пику, саблю. Когда пришли советские, то почти всех «осадников» вывезли в Сибирь. А тем полякам, которые остались, ОУН передала приказ выехать в Польшу, и многие уехали, хотя некоторые и не хотели.

А.И. – С советскими партизанами часто сталкивались?

Ф.В. – Летом 1943 года они шли в Карпаты большими силами, проходили через Волынь, грабили села, ограбили хозяйство моего отца. А мы с ними встретились, когда их немцы разбили в Карпатах. Они отходили на Белоруссию, небольшими группами. Один из референтов СБ сообщил, что к ним в село зашли человек пятьдесят красных. Мы послали в село разведку,

хлопцы выследили, что они в сарае стали на ночлег. Нас был рой, шестнадцать человек, взяли два пулемета. Ночью подошли, фонариком подсветили – все спят. Расстреляли их всех за пару минут, гранатами забросали. Раненых добили, ни один не убежал. Посчитали убитых – ровно пятьдесят человек их было.

Потом, когда стал приближаться фронт, меня и еще нескольких хлопцев из районной СБ забрали в надрайонную СБ, которая действовала на территории бывшего Кременецкого уезда. Командиром надрайонной СБ был «Палий», у него было подразделение особого назначения. Главной задачей было делать запасы до того, как подойдет фронт – запасали оружие, одежду, зерно, заливали смальцем колбасы. Ездили по селам Кременецкого района, в каждом селе был хозяйственный отдел ОУН, которым руководил станичный. Мы брали у них зерно, белье, женщины вязали для нас рукавицы, свитера. Был такой случай – мы искупались в реке, станичный принес белье, все переоделись. Я надел такую вышитую рубашку, и она была очень длинная – ниже колен. Хлопцы посмотрели на меня: «Слушай, это женская!» Я говорю: «Ну и что, что женская? В колени тепло – пусть будет!» Подвязал ее, заправил в штаны и так ходил. Были случаи, когда надо было запастись хирургические принадлежности – такие круглые банки со скальпелями, их надо было завернуть в материю и закопать в определенных местах. Может, наши их потом откопали, а, может, до сих пор лежат. Иногда надо было захоронить убитых – и своих, и чужих.

Однажды в конце 1943 года мы взяли в плен немцев. В одном селе все было сожжено, осталась одна хата, и эти немцы в ней поселились. Были у них лошади, телеги, какое-то свое барахло, продукты и все такое. Решили взять их, подошли к хате. Командир подразделения, «Палий», говорит мне: «Я пойду в двери стучать, а ты возьми две гранаты, открути у каждой колпачок и держи. А я за дверью буду стоять. Как только по мне выстрелят, или будет какой-то шум – сразу в окно бросай гранаты!» У нас были немецкие гранаты – мы их называли «мако-гоны». Я говорю: «Хорошо». Он пошел под двери, стучит. Открыли! «Палий» вошел в хату. Я вижу, что не стреляют, иду за ним. Автоматы на немцев наставили, а они за столом сидят в рубашках – едят, пьют. Мы говорим: «Мы из УПА, здесь нас идет пять тысяч. Сложите оружие!» Самый старший немец отстегнул свой «парабеллум», бросил, и все побросали. А я слежу за ними, держу палец на спусковом. Вижу – один немец не снимает оружие. Я смотрю на него, жду. А он подходит ко мне, отстегивает от штанов пояс, а в нем полно патронов. И вынимает мне бельгийский пистолет, никелированный. Ручка черная, а сам весь такой зеркальный – можно причесаться! Командир его увидел, ко мне как прицепился, так я ему отдал, а он мне дал «наган». Пистолет был дамский, маленький – такой деликатный, что если где-то пыль попадет, то он стрелять не будет. Тот «наган» на шесть патронов для меня был лучше – стреляет, сам вращает барабан. Тот немец мне сказал: «У нас тоже есть ЮПА!» Оказалось, что это был не немец, а югослав, и все они были из охранного батальона. Я спросил его, куда должен был ехать батальон. Он сказал: «В город Станислав». Это была не фронтовая часть, они охраняли какой-то завод в Славуте. Фронт шел на запад, а они еще раньше отступали. Этих солдат было человек двадцать, но там были не одни немцы, а сброд – были югославы, были еще какие-то, я их не спрашивал. Мы у них оружие забрали, подводы с лошадьми забрали и вели их от села к селу. У нас на Волини люди убивали пленных немцев – брали с подводы железный крюк для упряжи и били им по голове. Народ был очень злой на них, потому что они жгли села. Мы пленных направили в Станислав с нашими связными – иначе люди их убили бы.

В той хате я зашел на кухню, там лежали какие-то подушки. Я подушки снимаю, а там девушка: «Не убивайте, я имею связь с партизанами!» Я говорю:

- Как тебя зовут?
- Шура.
- Фамилия?
- Демченко.

– Почему ты с ними?

Она рассказала мне, что они работали на заводе в Славуте, и там советские хлопцы совершили диверсию, и немцы всех этих хлопцев позабыли куда, а немец взял ее к себе в батальон. Она топила им печь, варила, а, может, и любовницей была – я не спрашивал. Спросил ее: «Кем ты работала при советах?» Она говорит: «Была пионервожатой». Я говорю: «Ну, ты уже с ними не пойдешь, будешь здесь». Передал ее в нашу женскую сетку, и она с нашими девушками была. Когда я потом, в 1944 году, возвращался с Холмщины через то село, спрашивал о ней у наших – куда она делась? И никто не мог мне точно сказать. Одни говорили, что ее наша СБ убила, потому что она хотела к советам перейти, когда фронт подходил. Другие говорили, что ее отправили в соседнее село. Так я больше и не видел ту Шуру Демченко – может, убили ее, а может, еще где-то живет.

Еще как-то взяли двоих немцев – одного убили, а двоих взяли. Они ехали на Кременец, там идет из Ямполья дорога, немцы по ней отступали. В одном селе трое немцев пришли в хату – искали подводу, потому что их машина застряла. Местный референт СБ нам об этом доложил. Заходим в хату, немцам: «Хенде хох!» Один из них берется за автомат, товарищ мой – трр! – его застрелил. Потом те двое немцев так его жалели, говорили, что был очень хороший человек. Один немец был гауптман, а с ним два охранника. Одного солдата убили, а гауптмана еще с одним солдатом забрали туда, где мы стояли. Что значит немец – утром встает бриться, открывает такую папку со змейкой, в ней бритва, одеколон. Кто-то из наших мимо шел, говорит: «Смотри, как бреется! Думает, что ему будет капут!» Он как услышал, заволновался: «Дойч капут! Дойч капут!» «Палий» говорит мне: «Бери их, завяжи обоим глаза и вези ближе к шоссе. Там их отпустишь. И скажи им, что мы немцев не убиваем. Но если будут жечь села, то будем убивать!» Вы понимаете, это делалось для пропаганды. Что те два немца? Мы их убьем – ну и что, на этом война закончится? И я их повез на санях, лошаадьми правил мужик из села, я говорю ему: «Вы лошадей держите крепко, потому что на шоссе немцы – может, захотят стрелять, я тогда тоже буду стрелять». У этих немцев забрали оружие, но нам сказали никаких вещей у них не брать – ничего не трогать, потому что будем наказаны! Выехали в поле, где-то впереди шоссе, гудят машины. Развязали немцам глаза, я говорю: «Идите туда!» А этот гауптман вынимает золотые часы, такие плоские, карманные – дает мне. Я говорю: «Я не возьму. Сказали ничего не брать». Он сует эти часы мне в руку: «На!» Но я не взял. Так мы их и отпустили.

Когда к нам подошел фронт, надрайонная СБ направила меня в сотню «Наливайко», в охрану командира сотни. Каждый сотенный имел при себе шесть-семь человек охраны – были часовыми, обеспечивали связь. Имени «Наливайко» я тогда не знал, только сейчас вычитал в «Летописи УПА», что его звали Степан Савчук. В сотнях УПА обычно было больше ста стрелцов – могло быть и сто пятьдесят, и двести человек. Наша сотня была небольшая – чуть больше ста человек. Вооружены были кто автоматом, а кто карабином. Многие хлопцы имели советские десятизарядки, но потом их все повыбрасывали. Она очень деликатная – где-то попала грязь, и все, заедает. У нас также было четыре пулемета Дегтярева – как для сотни, то это было маловато. Еще в сотне был один ротный и один батальонный миномет.

В марте 1944 года сотня пошла с Тернопольщины через Львовщину на Холмщину. Большевицкий фронт в апреле стал под Бродами, а мы пошли от фронта на запад. Удачно перешли железную дорогу Киев-Львов, это было не так просто сделать, потому что немцы с обеих сторон пути на сто метров вырезали все до кустика – голо было. И все время ездил дрезина, обстреливала лес – для испуга, чтобы не подложили мину. Поэтому нам надо было ползти, чтобы не заметил никто.

На Галичине стали мы на постой в каком-то селе около Бродов. Перед этим очень долго в лесу стояли, не могли никак пройти. А я, когда квартировал, то всегда вечером выходил, изучал местность: «Так, здесь мы стоим, там дорога в лес, тут село». Никогда не было так, чтобы

я не знал, где я нахожусь. Нас было двое в хате – я и «Пава». Он был старше меня, служил в немецкой полиции, потом убежал к нам. Сняли мы сапоги, легли спать, оружие поставили. Не раздевались, только разулись. А эта хата была чуть дальше от дороги, с краю села, на пригорке. Хозяйка забрала ребенка, ушла ночевать к соседям, потому что боялась. Утром, на рассвете, слышим – стучат, открывают двери. Заходит большевик в плащ-палатке, с автоматом! Откуда он взялся? Спрашивает у нас:

– Кто такие?

Я говорю:

– Партизаны.

– Какого отряда?

– Калашникова.

– Ступайте к командиру!

– Есть!

Было бы в руках оружие, я бы их босой погнал, убил бы его. Но когда я сказал «партизаны», то он открыл дверь, кричит: «Братва!» А на улице стрельба! Это какая-то советская часть прорвалась в немецкий тыл – глубоко зашли, потому что фронт еще был далеко. А в селе стояли с одной стороны мы, с другой немцы, и они бой завязали с этими немцами. А наши услышали, что идет бой, и отошли. Я слышу, что он пошел к своим: «Братва! Братва!» Мы – раз! – обулись, ремень на себя, оружие в руки, и по тропинке в лес. Я вечером посмотрел, где лес – знал, куда идти. Сзади слышим: «Ёб твою мать! Убежали!» Дальше идем, видим – бежит немец за нами, без шинели. «Пава» говорит: «Я его сейчас застрелю». Я говорю: «На хрен он тебе нужен? Он тоже убегает». Спрашиваю у немца: «Откуда ты взялся?» Он говорит: «Рус заге „Стой!“ А я драп-драп!» Потом отламывает ветку, сбрасывает штаны и дерьмо с кальсон счищает! «Пава» говорит: «Я его убью!» Я ему: «Не надо, дурной ты!» Идем дальше, слышим – впереди нас по-немецки говорят. Немцы! Мы того немца посылаем вперед. Он с ними поговорил, из леса выходят немцы – в маскхалатах, с пулеметами МГ. И тот немец к ним присоединился, а мы пошли к своим. Приходим к нашим:

– Почему же не сообщили нам, что отступаете?

– А мы не могли найти, где вы!

На Холмщине польская Армия Крайова сильно уничтожала наших людей. Украинцы бежали оттуда на Галичину – на Мостиска, Раву-Русскую. В июне мы пришли в села возле Грубешова, выгнали оттуда поляков. Там была река Гучва, поляки бежали за реку, а сотни УПА заняли эту территорию. Помню, что идем по селу – а дорога заросла бурьяном, хаты закрыты, только кое-где кот на нас посмотрит. Возле некоторых хат были ульи – пчелы так меда наложили, уже полные рамки, и они сверху лепят, на рамку! А меда хочется – берешь патрон, пулю вынимаешь, пороха насыпал, поджег. Пчелы улетели, берешь вощину с медом. Мы проверяли, нет ли кого в хатах. Захожу в одну хату, а там убитая старая женщина, лет под семьдесят – видно, месила хлеб, и ей поляк в затылок выстрелил. И она на той бочке лежала, руки в тесте, хата залита кровью. Эта картина у меня вечно перед глазами. Мне было двадцать лет, и которое я имел отношение к тем полякам? Только кровавая месть! Были бои, мы жгли их села. Открытых боев с местными поляками почти не было – они отступали в села, мы их оттуда выгоняли, они бежали, отстреливались, но не помню, чтобы кого-то из наших ранило или убило. Они боялись нас. А подразделения Армии Крайовой стояли где-то за Грубешовом, в лесах, к нам не подходили. Потом поляки перестали даже появляться в тех местах, украинцы стали возвращаться в села, в июле начались жнива.

У нас были потери от немцев. Возле одного села было большое имение, мы там квартировали, везде были наши посты. И ехала немецкая машина с солдатами, наехала на наш пост, и хлопцы из пулемета как ударили по ней! Подожгли машину, нескольких немцев убили, остальные убежали. Но они передали по радиации, что их обстреляли, приехал танк, прилетели

самолеты. Мы легли в рожь, она уже созревала, мы ее на себя нагнули, а они строчат из пулеметов! Тогда нашего казаха убило. В сотне был один казах, он бежал из немецкого плена к нам.

Потом немцы стали отступать на запад. Мы пошли за Грубешов, там был лесок, мы в нем остановились. Закопали батальонный миномет, оставили только малый, ротный. Собрали все документы, фотографии, адреса и все подожгли. Ничего не осталось – ни один документ. Недалеко была дорога – машины немецкие едут, едут, едут. Мы никого не трогаем, и они нас не трогают – бегут. Потом где-то два часа тишина. А потом опять машины едут, слышим – «Катюшу» поют. Это уже русские. Мы переждали, пока все проедут и пошли в село, местные жители нас переодели. А там полное село советских солдат, ходим среди них. Солдаты к нам подходят, говорят: «Ребята, тоже пойдете в армию!» А вечером мы опять собрались, переоделись в свою одежду, взяли оружие и связные повели нас в лес. Подходим к лесу, а оттуда как открыли огонь! Советские войска стояли в лесах, они думали, что это немцы идут. Мы все рассыпались. Было темно, они ничего не могли нам сделать. Я зашел в поле, лег в рожь, со мной был еще один парень, из Ковеля. Нагнули на себя рожь и лежим, не знаем, что дальше будет. Пролежали всю ночь, наутро рассвело. Видим – по меже идет девушка с граблями. Я говорю тому парню: «Ты подползи к меже и спроси ее, где мы находимся». Он подполз, спрашивает:

– Девушка, где мы?

– Там крайний сарай, который выходит в поле. Как стемнеет, идите туда.

Все! Больше ничего не сказала, даже не остановилась! Ее послали нас искать. И вечером мы все сошлись к сараю, целая сотня, и пошли дальше. Все время вели нас связные, одни мы не шли. Связь была очень налажена. Первой шла разведка – если никого нет, то проходила сотня. Никогда никому не рассказывали, куда мы идем. А если и говорили, то совсем про другую сторону, а сами туда не шли. Такая была конспирация.

Вообще мы фронтовые части старались обходить – и немецкие, и советские. Вот коммунисты кричат, что мы «фронтовикам в спину стреляли». Но подумайте – зачем нам было это делать? Надвигался фронт – шли большие части, полно солдат, техники, нам было очень невыгодно с ними воевать. Разве что случалось так, что на них наткнулись – тогда начиналась перестрелка, мог быть бой. А так, чтобы специально делали засаду на фронтовую часть – то нет. Мы их обходили. Наша политика была такая – пусть немцы и советцы уничтожают друг друга. Нам это было очень интересно, чтобы они себя как можно больше уничтожали. А после войны, Вы знаете, Черчилль хотел пойти войной на Советский Союз, и это был бы для нас хороший шанс. Но Рузвельт был против этого, еще и ядерное оружие появилось – и они побоялись воевать.

Когда мы были на Холмщине, к нам перебежал от немцев кубанский батальон, и они воевали вместе с нами против поляков, немцев, все время были с нами. Говорили кубанцы по-украински, немного на суржике. Им было по тридцать-сорок лет, они говорили нам: «Хлопцы, держитесь – к вам большевики возвращаются!» Они даже себе песню сложили, когда были у нас, на русском языке, первые ее строки были такие:

Потянулись к небу тучи грозовые,

Кликнул нас Бандера, верных сыновей.

С хутора-станции йдут у партизаны

На защиту Родины своей.

Здоровые были, чернявые, хорошо пели. Когда перешли фронт, то наше руководство решило отправить их на Восточную Украину. Пошли на восток – прошли Броды (там после боев лежало много убитых, оружия), пришли в город Острог Ровенской области. Под Острогом есть село Вилия и река Вилия – это граница Западной Украины. И наших кубанцев послали на восток. Судьба их неизвестна – поймали их, или убили, пришли ли они с повинной, судили ли их.

Наша сотня тоже пошла на восток, дошли до Славуты – это сейчас Хмельницкая область. Там была фабрика, сигареты делали. Вечером зашли в село под Славутой, на фабрику не шли,

потому что знали, что там охраняется. Пришли на пункт, где молоко сдавали. Заходим – на стене большой портрет Сталина, сепараторы стоят. Дрр! – из автомата по сепараторам, продырявили их. И того Йоську, который висел, тоже продырявили. Уничтожили этот пункт и ушли, боя у нас там не было, это все делалось тихо. Потом сотня вернулась обратно на Львовщину, шли по советским тылам. Это была осень 1944 года, в октябре мы пришли в Радеховский район.

А.И. – Много было боев с НКВД?

Ф.В. – В бою мы встречались с ними не так часто, но мы их ловили. Например, в селах все девушки-учительницы были связаны с нами. А эти энкаведисты были очень падки на наших девушек. Я помню, как одна девушка привела к себе домой офицера-энкаведиста, а мы там сделали засаду. Взяли его, допросили – рассказал, как он следствие ведет, как допрашивает. Потом его ликвидировали. Мы их так часто брали. А когда офицеры НКВД квартировали, то взять их было трудно, потому что у них всегда была охрана – взвод или больше. Мы квартировали в лесу, они в селе, и мы всегда знали, сколько их. Но мы понимали, что если пойдем в село, убьем этих энкаведистов или председателя сельсовета, то полсела вывезут или село десяткуют. Надо было гражданских людей жалеть – мы убили врага и убежали, а они не могли спрятаться. Так что наши основные бои – это были короткие засады на дорогах.

В Радеховском районе мы вели бои, и 13 декабря 1944 года в селе Нивицы в бою с НКВД меня гранатой ранило в обе ноги. Мы ночевали в селе, а они на нас напали. Их немного было – как они попали в село, не знаю. В селе стояла вся наша сотня, но мы с несколькими хлопцами были в охране сотенного, в отдельной хате. Возле той хаты был самый большой бой, хата загорелась. Наш пулеметчик стрелял с чердака и сгорел вместе с хатой. А я был во дворе, стрелял, потом вижу – один москаль спрятался за дровами. И он в меня стрелял, а я в него. И тут слышу, у меня в ногах – бах! Я еще раз выстрелил и чувствую – у меня ноги онемели. Сапог потрогал – а он как решето. Энкаведистов мы разбили, кто жив остался, тот убежал, но сотня не хотела идти на риск, потому что могли прийти их большие силы, и отступила в лес. Меня хлопцы забрали, повезли в другое село, занесли в хату, а меня всего трясет. Соседи сбежались, слышу – одна женщина говорит другой: «Он умрет». Я думаю: «Боже, двадцать первый год мне пошел, а уже умирать!» Нашли фельдшера, он мне сапоги разрезал, вынул из ран куски носков, некоторые осколки, которые были сверху. Перевязали меня, и так из хаты в хату, из села в село перевозили. Дежурила возле меня девушка, уже была зима – возле хаты всегда стояли сани. Правая нога была больше ранена – в ступне одиннадцать осколков, на трех пальцах вырвало сухожилия. В 1968 году, когда я жил в Коми АССР и работал на шахте, мне на ногу упало железо и один осколок с места отбил. Я приехал во Львов, и мне там его вынули. А еще шесть этих осколков и сейчас в ноге. И одна рана еще течет – течет и заживает, потом снова открывается. Был я у врачей, они собрали консилиум, говорят: «Пан Володимирский, мы боимся туда лезть, потому что можете потерять ногу». И я уже не даю ничего делать, сын приезжает, перевязку мне делает, и так доживаю век.

На Крещение я лежал в одном селе, название сейчас не вспомню, в хате у одной женщины. Муж этой женщины был на фронте, она куда-то ушла, в хате со мной была старая бабушка. Вдруг слышим – москали приехали в село. Бабушка плачет: «О Боже, Боже! Москали!» А я всегда был спокоен – убьют, так убьют. Говорю бабушке, что надо делать. А матраса на кровати не было – была солома. Отгребла бабушка солому, я ложусь на доски возле нее, она меня соломой накрывает, и так лежим. А большевики приехали крест спилить – в каждом селе были кресты на символических могилах. Я говорю бабушке: «Только не паникуйте! Как зайдут в хату, дайте им что-нибудь выпить и все!» И тут один москаль открывает дверь, голову просунул к нам:

- Че, бабушка, больная?
- Ой, буду умирать, дети.

– Не умре-е-ешь!

Закрыв дверь. Видите – я как будто должен был выжить!

Скрывался я до марта 1945 года. В селе Оглядове 13 марта 1945 года была облава, девушка-медсестра услышала вечером выстрелы, пошла узнать, ее поймали, она не показала, где я. Они меня сами нашли в хате, допрашивали, били, потом привезли под тюрьму в Лопатин, «стрибок» (боец «истребительного батальона» – прим. А.И.) меня караулил, я сидел на земле. Вышел начальник тюрьмы, спрашивает конвойного:

– Чего он сидит?

– Он раненый.

– Раненый? Зачем везли?

А возле тюрьмы могилы энкаведистов – рядами. Начальник мне:

– Видишь, сколько наших убили?! Шкуру снимем!

Внесли меня в камеру, там было полно хлопцев со всего района, их поарестовывали, потому что не шли в армию. Меня положили на пол – побитый, измученный, воды не дают. Двадцать человек в камере, тесно, я лежу в углу. Потом стучат в дверь: «Всем встать!» А я лежу – раненый, на ноги встать не могу. Заходит какой-то офицер – надо мной стал, постоял, посмотрел и вышел из камеры. И сейчас же дежурный, белорус (те, которые были в красных партизанах, нас по тюрьмам охраняли), приносит ведро воды и говорит: «Где тут раненый?» Может, тот старший ему сказал? Хлопцы показали на меня. А он так матюкнулся на них и говорит: «Он хоть воевал! А вы прятались!» Вот какая логика! Логика мужчины, который воевал, хоть и был враг! Ведро воды выпили за десять минут. Так я лежал в камере, потом начал немного ходить. Пара осколков вышла из ноги вместе с гноем. Никто перевязки не делал, в бинте полно вшей, но ни гангрены не было, ничего – что значит, молодой, здоровый!

Потом завезли меня во Львов, в тюрьму на Замарстынове. Там я пробыл полгода, хлопцев привозили и забирали, привозили и забирали. А меня сначала допрашивала милиция – как скрывавшегося от армии. Потом передали дело в НКВД. Но они не имели на меня материалов. Не знали, за что зацепиться. Допрашивали меня: «Почему ты ранен?» Я говорил:

– Я над Бугом копал окопы – немцы забрали нас. Бежали от немцев, шли через лес, и я на mine подорвался.

– А почему тебя не завезли в больницу?

– Хлопцы меня в село завезли, сказали: «Мы тебя вылечим, спрячем, а иначе заберут в армию».

Проверяли, действительно ли у меня ранения от мины. Приезжала какая-то военная – фельдшер или врач. Говорит мне: «Разбинтуй ноги». Я разбинтовал, она посмотрела, говорит: «Это не осколочные ранения! Это пулевые! Сюда пуля пошла, здесь вышла, а другая – сюда пошла, здесь вышла». И ушла. Записали, что ранения пулевые.

Я сразу сменил фамилию – сказал, что я Сушенко, родом из Вишневецца. Однажды пришли ко мне, говорят: «Мы делали запрос – такого знать не знают в Вишневецце!» Мама Божья, как я обрадовался! Если бы они знали, что я был в Службе безопасности, то меня бы повесили. Но у меня была конспирация – я никогда не появлялся домой с оружием, никто меня не видел. Родители знали, что я в подполье, но не знали, где именно. У нас соседи были поляки, они спрашивали маму: «Пани Антонина, а где Ваш сын? Что-то его давно не видно». Мама говорила: «В Почаеве на попу учится». Прикрытие у меня было, потому что в Почаеве у нас тоже были свои люди – там организовали курсы священников для походных групп ОУН, так что они могли подтвердить, что я там учусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.